

«Половецкие пляски» в Карнеги-холл

Тамара Гвердцители любит разрушать. Но только стереотипы

Век. — 1995. — 21-27 марта. — с. 11

Валентина ТЕРСКАЯ

Во всем ее облике чувствуется порода, действительно княжеское происхождение. Ее голос гипнотизирует, завораживает, заставляет ушаченно биться сердце.

Тамара Гвердцители на эстраде — 15 лет. Она поет о любви, доброте, счастье, разлуке. Ее творчество неотделимо от ее человеческой сути. И в этой абсолютной гармонии заключена необыкновенная сила, которая называется ТАЛАНТОМ.

— Тамрико, я знаю тебя с той поры, когда ты участвовала в детском ансамбле «Мзиури», а сегодня ты, не побоюсь этого слова, суперзвезда, желанная гостья на любой концертной площадке России, ближнего зарубежья, твоей родной Грузии. Тебя ангажирует Париж и престижнейший зал мира — Карнеги-холл в Нью-Йорке. Что помогло тебе на этом пути к высотам? Талант, трудоспособность?..

— Только талантом без всякого труда ничего не достигнешь. Но еще мне кажется: кто-то незримо вел и ведет меня по тяжелому пути в так называемом легком жанре. Что он вовсе не так легкий, как это представляется многим со стороны, хорошо знают те, кто непосредственно связан с ним.

Я окончила консерваторию по двум отделениям — композиции и фортепиано, а стала певицей. Да еще эстрадной. Позвал меня сюда внутренний голос. Он твердил мне и твердит поныне: разрушай

в музыке и песне серые стереотипы. Преодолевай не только творческую ограниченность, но и человеческое убожество. Не поддавайся дешевому примитиву. Дерзай, борись с низким качеством и низменным проявлением вкуса. Не иди на поводу у публики, не подчиняйся ее требованиям ради мнимого успеха. Не бойся препятствий и смело преодолевай их. Всегда оставайся сама собой, не опускайся до уподобления кому-то и чему-то. Таково мое кредо в искусстве, и ему я не изменяю.

Я никогда не уподоблялась «бабочке» — бабочке, которая в своем стремлении к огню рампы может навсегда опалить себе крылья о горячую, но мимолетную славу. Я это осознала, когда меня пригласили выступить в Карнеги-холл.

— Мне кажется, этот зал — та самая «лакусовая бумажка», которая может определить — ты есть или тебя нет. Или я ошибаюсь?

— Концерт в Карнеги-холл был тем самым риском, который равен 10 годам моей чисто профессиональной творческой жизни. Там я, вопреки ожиданиям публики, не пела ни одного своего шлягера типа «Виват, король!», и она в полной мере оценила мою смелость, независимость, нежелание потрафлять ей. Я постаралась разрушить тот стереотип, который сложился обо мне, и прежде всего на основании записей и пластинок. Я исполнила вокализ «Половецкие пляски» из «Князя Игоря», «Ходила младшенька» из «Хованщины», пела грузинский, русский, еврей-

ский фольклор. Этим концертом я поставила на карту всю свою творческую жизнь, пошла, как говорится, ва-банк. Я преодолела барьер тяжелой внутренней борьбы и сомнений, увидела реальный результат своих творческих поисков и изнурительного труда. Там я была один на один с чужой публикой, которую мне предстояло убедить, покорить, сделать своей.

— Судя по отзывам американской прессы, это удалось. Не бывалый для этого зала аншлаг, неоднократные вызовы на «бис», нежелание отпустить со сцены. А ведь на концерте были в основном американцы, а не истосковавшиеся по родной музыке наши эмигранты. А что сейчас, после триумфа? Свет, сумерки?

— Свет. Без всякого сомнения. А от сумерек, которыми, увы, полна наша жизнь, меня спасает желание делать людям добро.

— Мне кажется, Тамрико, что ты, кроме того, что добрая, гордая и нежная, как любящая другая, истинно кавказская женщина...

— Добавь к этому, что еще и сентиментальная. И от этого здорово страдаю, ведь сентиментальные люди ранимы. Но и здесь я нашла свое лекарство: я исповедую романтизм. Он скрашивает какие-то непривлекательности жизни. Чуткие французы уловили эту мою особенность, зачислив меня в разряд певцов неоромантизма.

— Не потому ли знаменитый Мишель Легран обратил на тебя свои взоры?

— Не знаю. Может быть. Ему

ежедневно приносят множество видеокассеты, которые он просматривает. Не буду кривить душой, рада, что он обратил внимание на мою скромную персону. То время, что мы вместе работали, дало мне много — и хватит на долгие творческие годы.

— Что ты еще любишь, кроме музыки?

— Моя слабость — исторические романы и все, что связано с историей разных народов. Мне интересно мысленно переноситься в далекое прошлое, проникать в душу тех людей, которые когда-то жили, любили, страдали. Мне интересна живопись — портреты людей далеких от нас времен. Все это так или иначе вдохновляет меня на создание новых песенных образов, их своеобразную трактовку. Ведь люди любили, страдали, разлучались и встречались во все века. Я представляю моими слушателями и их тоже...

— Ты заговорила об исторических ценностях — картинах, книгах, памятниках старины... Как горько, что нынешняя война в Чечне погубила в Грозном музей изобразительных искусств, где было более трех тысяч картин, прекрасный театр, старинные здания...

— Я понимаю вас. Мой ум, сердце, душа стонут и плачут. Не забывайте, что я с Кавказа и мне во много раз больше от всего, что там происходит. Кто-то способен проявить себя ни в чем, кроме оружия, и только так хочет доказать свою правоту.

— Сейчас ты переехала в Москву. Навсегда?

— Нет, что вы! У меня здесь работа — записи, планирование гастрольного графика. Мой родной дом по-прежнему в Тбилиси, но сейчас там нет возможности полноценно работать.

— А Париж?

— Там тоже нечто вроде до-

ма. У меня контракт на три года на записи в студии и выступления. Сейчас планируются гастрольные поездки с Мишелем Леграном по Европе и США. Париж меня всегда вдохновляет, концентрирует творческие и физические силы.

Tamara GVERDTSITELI
Yury's Artistic Presentation

Extraordinary Russian singer

Tamara GVERDTSITELI
"this generation's Edit Piaf"

at Carnegie Hall

with the Arsenal band directed by the most famous Russian jazz-musician Alexei Kozlov

Sunday, April 16, 1995
at 3 P.M.

Alexei KOZLOV

— Кто благословил тебя на сценическую «гогофу»?

— Мама, она сделала все, чтобы я «состоялась». Она поощряла мое увлечение музыкой, композицией, вокалом. А педагог Б. Иваницкая четыре года «шлифовала» мой голос. Она ничего не «ставила», как принято говорить, а лишь оттачивала мою природную суть. В 1981 году я победила на Всесоюзном конкурсе, и с тех пор эстрада стала моей жизнью.

— Какие цвета в одежде ты предпочитаешь?

— Черный с красным. В них как бы скрыта драма, кровь, любовь. Однажды в аэропорту меня увидел Параджанов. Я была в черном платье. Он подошел и преподнес букет ярко-красных тюльпанов. Было очень приятно, а он сказал: «Никогда не одевай один цвет». Как тонкий и проницательный художник он как-то сразу постиг мою суть, мой стиль.

— У тебя много друзей, подруг?

— Друзей много не бывает. У афганцев есть поговорка — «Дружат те, у кого характеры схожи», а осетины внесли свое уточнение: «Застольная дружба — ложная дружба». Мои самые близкие и верные друзья — мама, мой педагог Б. Иваницкая и сыншишка Сандро. Им я доверяю безгранично.

— Как бы ты расшифровала фразу «ум с сердцем не в ладу».

— Это женская суть. Мы чаще всего склонны поступать вопреки здравому смыслу, но, может быть, в этом и есть своя эмоциональная прелесть.

— Что ты больше любишь — дарить или получать подарки?

— Дарить. В этом заключается и вся суть моей работы в искусстве. Свои песни я дарю людям, как минуты радости.

— Что для тебя вера в Бога?

— Человек без веры — не человек. Бог — это добро, любовь, совесть. Это то, что меня оберегает от греха, от неправедных поступков, от соблазнов, ведь от них никто не застрахован. Где-то я прочитала, что Игорь Ильинский был верующим человеком и говорил, что Бог у него в сердце. Он должен быть в сердце у каждого из нас, чтобы мы стали народом ЛЮДЕЙ.

— Вершишь ли ты, что в обозримом будущем мы, как и прежде, будем ездить друг к другу в гости, часто встречаться и слушать музыку и песни, а не выстрелы и плач женщин по погибшим мужьям и сыновьям?

— Как говорится — надежда умирает последней. Искусство границ не знает. Поэтому людские связи не прерывались и не прервутся никогда, как бы того не добивались иные политики, взявшиеся управлять «своими» народами, комплектуемыми ими по этническому признаку. Вожди могут драться за власть сколько влезет, но простые люди, как бы ни старались их разобщить, все равно верят в добро, милосердие. И это нормально, как говорят в Одессе, и красиво. Народы живут своей жизнью, далекой от жизни временщиков. Поэтому я твердо верю, что настанет рассвет — светлый и спокойный.

